

А. В. Иванов
ЗНАЧЕНИЕ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ
ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.

Курильские острова являются одним из самых удалённых восточных регионов России. По площади они занимают 0,1 % территории Сибири и Дальнего Востока, но при этом доступ на архипелаг осложняется рядом объективных факторов. Во-первых, это значительная разбросанность Курильской гряды в пространстве и неблагоприятный климат, отличающийся повышенной влажностью, которая является причиной частого образования туманов, затрудняющих движение крупногабаритных судов (1). Во-вторых, сейсмическая активность, обусловленная географическим положением на месте соприкосновения литосферных плит и приводящая к частым извержениям вулканов и землетрясениям (2). В-третьих, неравномерное замерзание проливов в зимний период и наличие подводных скал, ограничивающих как сезонное, так и пространственное перемещение между Курильскими островами (3). Перечисленные трудности до сих пор оказывают влияние на жизнеобеспечение жителей архипелага, однако можно представить себе, насколько серьёзными они казались землепроходцам и мореплавателям XVIII – начала XIX вв., которые, несмотря ни на что, планомерно продвигались от одного острова Курильской гряды к другому. Закономерным результатом данного процесса явилось соприкосновение сфер влияния Российской империи и Японии, приведшее к зарождению курильской территориальной проблемы, которая свидетельствовала о важности региона для обеих сторон. Так чем же оказались привлекательны Курильские острова, и какое значение они имели для Российской империи в упомянутый период?

К моменту открытия Курильских островов в начале 18-го столетия северная часть Тихого океана оставалась малоизученной в географическом плане. В то время это океаническое пространство не имело большой стратегической ценности, так как там не проходил ни один из торговых путей, а на островах не существовало значительных поселений. Тем не менее, первая половина XVIII в. явилась периодом научного исследования Курильского архипелага и закрепления островов за Российской империей посредством сбора ясака с коренного населения. При этом необходимо отметить, что натуральная подать с жителей островов производилась не с целью пополнения императорской казны, а была лишь актом, подтверждающим подданство айнов Российскому государству. Об этом свидетельствуют объёмы взимаемых шкур диких животных. Если Д. Я. Шабалин в 1782 г. смог добыть самостоятельно 61 бобра и 97 лисиц, то размеры ясака с о. Кунашир, одного из самых населённых Курильских островов, составили лишь 11 соболей, 2 выдры и 3 лисицы, что по объёму значительно уступало деятельности промышленников в этом регионе (4). Другими словами, сбор натуральной подати на Курилах не приносил экономической выгоды в силу его нерегулярности и малочисленности населения, что, естественно, привело в 1779 г. к освобождению “мохнатых” айнов от уплаты всяких повинностей (5).

В отличие от сбора ясака российских землепроходцев интересовал вопрос о возможности пушного промысла на территории архипелага. Так, в указе приказчику Камчадалских острогов Осипу Миронову об исследовании острова вблизи Камчатки говорилось: “И какие острова и земли явятца, и какие люди живут и много ль их и какой у них зверь есть, описать имянно...” (6). Прямым его выполнением занялись взбунтовавшиеся отряды под руководством Д. Анциферова и И. П. Козыревского, которые посетили Курилы в 1711 г. Основное их внимание было сосредоточено на ценных видах диких животных, таких как соболя, лисицы, нерпы и бобры (7). Иными словами, служилые люди с Камчатки имели представления о характере животного мира архипелага и возможностях его использования для личного и государственного обогащения. В данном направлении действовали И. П. Козыревский (8) и И. Чёрный (9), составившие подробные описания Курильской гряды в целом и каждого из островов в отдельности. Помимо сведений о растительности и ареалах обитания животных их отчёты содержали полезную информацию, касающуюся рельефа, навигации, населения, источников воды, что в дальнейшем предопределило основные направления хозяйственного освоения региона.

В первую очередь, перспективным занятием считались пушной и морской промыслы. На Курильских островах и Камчатке обитали неизвестные ранее в Российской империи виды животных, среди которых особое место занимали морские коровы, сивучи, морские котики и морские бобры. С одной стороны, столь ограниченный ареал их обитания и высокое качество меха способствовали повышению стоимости шкур диких животных, с другой, отдельные популяции неравномерно занимали территорию Курильских островов, что приводило к специализации добычи среди про-

мышленников и, в конечном итоге, к безжалостному уничтожению целых видов (10). Так, пушные запасы южной части Курил были более скудными по сравнению с центральной частью архипелага, поэтому основным промысловым источником являлись морские котики. В период с 1769 по 1776 г. купеческие артели П. Протодяконова и купцов Л. Алина и Г. Шелихова добыли более 75 000 котиков, однако этого им показалось мало, и они решили поменять место добычи (11). Как мы видим, по мере того как темпы морского промысла начали заметно увеличиваться, популяции животных стали сокращаться пропорционально степени их удалённости от континентальных русских поселений. Иными словами, первоначально были истреблены особи, обитающие в непосредственной близости от Камчатки и северной части Курильских островов. Частично это объясняется тем, что с середины XVIII в. основное внимание сборщиков ясака и промышленников перемещается в сторону центральных необитаемых островов архипелага.

В последующие десятилетия после открытия Курильской гряды российские промышленники систематически организовывали экспедиции по добыче промысловых видов животных. Наиболее активно этот процесс начал осуществляться с принятием “Указа Сената о разрешении купцам промысла зверей на Курильских островах” от 24 августа 1761 г. Согласно этому документу, помимо сборщиков ясака, вести промысел на Курилах разрешалось промышленникам, что снижало нагрузку на местную камчатскую казну и не требовало обязательного строительства крупногабаритных судов. Вместе с тем, государством была установлена определённая норма выплаты налогов с добытой пушнины – десятая доля. Остальную часть добычи промышленные люди могли продавать кому угодно и где угодно в пределах государства. Сенат позаботился и о безопасности будущих организаторов промыслов на Курильских островах. Местные власти были обязаны снабжать промышленных людей необходимыми картами, сведениями и инструкциями. А последние, в свою очередь, должны были представлять подробные сообщения тайному советнику П. А. Соймонову, отправлявшему их в канцелярию Академии наук (12).

Не существует суммарных данных об объёме добытой промысловой продукции, однако об этом можно судить на основании сообщений промышленников и сборщиков ясака второй половины XVIII в. В частности, известно, что И. М. Антипин и Д. Я. Шабалин в 1778 г. добыли и купили у коренного населения Курильских островов 970 морских бобров, 45 чернобурых лисиц, 70 сиводушек и 195 голубых песцов (13). Это свидетельствует о крупных масштабах добычи, так как стоимость одного морского бобра в 1760 г. оценивалась в 15 руб. (14), что равнялось стоимости трёх шкурок отборного сибирского соболя. Отдельные экземпляры могли продаваться по 200–300 руб. в зависимости от редкости добытой особи (15). Таким образом, экономические отношения полностью распространились на меховой промысел, где численность популяции непосредственно влияла на стоимость товаров, имеющих спрос, поэтому добыча ценных животных приносила гигантские доходы артелям промышленников и лишь десятая часть оставалась в государственной казне.

Параллельно со сбором ясака и меховым промыслом российские мореплаватели занимались активными поисками месторождений полезных ископаемых. Этот интерес подогревался рассказами о легендарной Земле Жуана-да-Гамы к северо-востоку от Японии, где добывались золото и серебро (16), а также сведениями И. П. Козыревского о добыче японцами “каменьев” в средней части Курильского архипелага (17). По мнению Г. Ф. Миллера, разведку драгоценных металлов на островах впервые осуществили геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин, однако отсутствие источников об их деятельности на Курилах позволяет усомниться в этом (18). Однако, как бы то ни было, окончательную точку в вопросе о возможности добычи руды удалось поставить рудознатцу С. Гардеболу, совершившему плавание в составе экспедиции М. П. Шпанберга в Японию. В процессе исследования Южных Курильских островов была произведена геологическая разведка, установившая их полную непригодность для добычи полезных ископаемых (19). И в дальнейшем предпринимались шаги по поиску драгоценных металлов, в частности С. Новиковым и И. М. Антипиным, но конкретных результатов получено не было, поэтому Курильские острова в XVIII – нач. XIX вв. остались неосвоенными в данном отношении.

В то же самое время Курильский архипелаг становится значимым в качестве естественного моста, соединяющего территорию Российской империи и Японии. Постепенное изучение отдельных островов приближало русских мореплавателей к северной оконечности земель Эдзо, что порождало надежду на установление дипломатических и торговых отношений со Страной восходящего солнца. Несмотря на безуспешные попытки начать торговлю с японскими купцами, российские мореплаватели целенаправленно продолжали совершать экспедиции к берегам Хоккайдо и Хонсю. Параллельно обсуждалась возможность использования коренного населения островов для взаимо-

действия с японцами, заинтересованными в тайном характере сотрудничества. Этому способствовало то обстоятельство, что со времён И. П. Козыревского было известно об обмене товарами между айнами северной части Курил и жителями княжества Мацумаэ при посредничестве айнов Итурупа и Кунашира (20). К середине XVIII в. связи курильцев севера и юга архипелага были нарушены (21), поэтому закономерным шагом сибирской администрации стала организация новых экспедиций по сбору ясака с жителей “дальних” островов и приведения их в российское подданство. Из источников достоверно известно, что взаимоотношения с “мохнатыми” айну не ограничивались выплатой дани. Сборщики ясака и промышленники старались выменивать японские товары, оказавшиеся у жителей островов (22). Стоит отметить, что положение “мохнатых” айну отличалось от положения их собратьев в северной части Курил. Каждый из крупных островов управлялся местным вождём, среди которых особое место занимал род Цукиноэ с Кунашира. В связи с этим промышленникам приходилось договариваться о разделе зон охоты на необитаемых островах центральной части Курил, из-за чего неоднократно происходили вооружённые столкновения (23). Вместе с тем, независимым вождям айнских племён было выгодно взаимодействие с российскими сборщиками ясака, так как с середины XVIII в. японцы начали обустраиваться на Кунашире, где была основана первая японская басё дома Хидая. Расширение зоны российского влияния на Курильских островах привело к тому, что отдельные торговцы Страны восходящего солнца предлагали наладить торговлю с русскими на одном из островов южной части Курил (24). Подобные действия не остались незамеченными в княжестве Мацумаэ, а впоследствии и в столице Японии – Эдо. Правительство Страны восходящего солнца (бакуфу) начало расследование фактов незаконной торговли в землях Эдзо, однако убедительных доказательств виновности дома Мацумаэ получить не удалось (25).

Непосредственным следствием российской политики на Курилах явились предложения о возможности снабжения Камчатки и Русской Америки продовольствием, закупленным в Японии. Дальневосточные регионы Российской империи испытывали нужду в товарах первой необходимости, так как доставка продовольствия и готовой продукции занимала значительное время, что в свою очередь порождало нерегулярность этих поставок. Климатические условия не позволяли выращивать основные сельскохозяйственные культуры на месте, поэтому руководство только что образованной Российско-Американской компании принимает в 1802 г. решение о восстановлении поселения на о. Уруп, существовавшего ранее: “неприметным для Японии образом открыть с нею торговлю посредством мохнатых курильцов и... выменивать у них пшено и другие к пище служащие произрастения и со временем снабжать ими Камчатскую и Охотскую области” (26). Предложенная инициатива осталась невыполненной, а последующие события, связанные с деятельностью Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова против японских поселений на Сахалине и южной части Курил, поставили под угрозу российско-японские отношения. С этого момента значение Курильских островов как связующего моста трансформируется в противоположное – яблоко раздора.

Курильские острова в XVIII – нач. XIX вв. являлись одним из труднодоступных регионов Российской империи, обращающим внимание современников своим удалённым географическим положением и близостью к Стране восходящего солнца. Стоит отметить, что для Японии Курилы являлись поставщиком биологических ресурсов: каланов, нерп, различных видов рыб, китов, лечебных растений, древесины (27). Страна восходящего солнца испытывала нехватку собственных ресурсов вследствие массового истребления местных животных и растений, поэтому владение южной частью архипелага было связано с хозяйственной необходимостью. В то же время японцы были заинтересованы в использовании айнов в качестве дешевой рабочей силы на промыслах, связанных с добычей рыбы (28). Положение Российской империи в корне отличалось: она остро не нуждалась в богатствах островов региона, так как обладала обширными сибирскими просторами. Однако редкость и ценность промысловых пород, обитающих на Курильских островах, способствовали тому, что многочисленные артели, а позже и Российско-Американская компания, устремились на архипелаг в поисках морского и пушного промысла, сулившего значительные доходы. С этой целью создавались временные, а затем и постоянные поселения в северной и центральной частях Курильской гряды, привлекались коренные народы других областей (в частности алеуты и эскимосы), организовывались крупные совместные экспедиции. Государство же стремилось использовать Курильские острова в качестве буферной зоны для осуществления торгово-посреднических контактов с Японией. Таким образом, интересы купцов-промышленников частично совпадали с государственными интересами, что обеспечивало на протяжении всего XVIII в. постоянное стремление к изучению и освоению Курильского архипелага. В свою очередь, неосуществленные проекты не только не препятствовали дальнейшему развитию, но и стимулировали деятельность независимых от государства

промышленников. Однако с зарождением курильской территориальной проблемы государство самоустранилось от деятельности в этом регионе, а в связи с образованием Российско-Американской компании постепенно исчезла его контрольная функция и конкуренция с промышленниками. Значение Курил с государственного масштаба сузилось до регионального.

1. *Иванов А. М.* Против притязаний Японии на Курильские острова. М., 1992. С. 4.
2. *Горшков Г. С.* Вулканизм Курильской островной дуги. М., 1967. С. 12.
3. *Соловьёв А. И.* Курильские острова. М., 1946. С. 82–83.
4. *Полонский А. С.* Курилы. Окончание // Краеведческий бюллетень. 1994. № 4. С. 18.
5. Указ Екатерины II Сенату об освобождении от податей населения Курильских островов, принявшего российское подданство // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М., 1984. Т. 2. С. 183.
6. Указ прикащику Камчадалских острогов, пятидесятнику казачьему Осипу Миронову, об исследовании острова, находящегося в некотором расстоянии от устья реки Камчатки // Памятники сибирской истории XVIII века. Книга первая. 1700–1713. Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1882. С. 412–413.
7. Челобитная царю 75 человек служилых людей, в которой, описывая злоупотребления по службе и жестокости приказчиков Камчадалских острожков, Петра Чирикова и Осипа Липина, приносят вину свою в убийстве их. 1711, апреля 17 // Памятники сибирской истории XVIII века. Книга первая. 1700–1713. Петербург, Типография Министерства внутренних дел, 1882. С. 441–451.
8. Тексты «Чертежа Камчадалского Носу и морским островам», составленного И. П. Козыревским // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984. Т. 1. С. 47–53.
9. Журнал, или записка, учиненная казацким сотником Иваном Черным, бывшему на Курильских островах, даже до 19-го острова, путешествию и усмотренных на оных примечаниях в расстоянии тех островов и живущих на оных народов и о прочем // Курилы – острова в океане проблем. М. : Российская политическая энциклопедия, 1998. С. 26–28.
10. *Вахрин С.* Встречь солнцу. Петропавловск-Камчатский, 1996. Режим доступа: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/solnce/01.htm>. Дата обращения: 27.03.2014.
11. *Вахрин С.* Встречь солнцу. Петропавловск-Камчатский, 1996. Режим доступа: <http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/solnce/05.htm>. Дата обращения: 27.03.2014.
12. Указ Сената о разрешении купцам промысла зверей на Курильских островах // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984. Т. 2. С. 59–60.
13. *Берх В. Н.* Известие о меховой торговле, производимой Россиянами при островах Курильских, Алеутских, и северозападном берегу Америки // Сын Отечества. 1823. Ч. 88. С. 248.
14. *Вахрин С.* Встречь солнцу. Петропавловск-Камчатский, 1996. Режим доступа: <http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/solnce/04.htm>. Дата обращения: 27.03.2014.
15. *Петров А. Ю.* Специфика финансово-хозяйственной деятельности русских торгово-промысловых компаний на северо-западе Америки во второй половине XVIII века // Русская Америка, 1799–1999 : мат. междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-американской компании. 1799–1999». Москва, 6–10 сент. 1999 г. М., 1999. С. 138–140.
16. *Полевой Б. П., Красникова О. А.* Голландский след в истории картографирования северной части Тихого океана XVII–XVIII вв. (к 350-летию экспедиции М. Г. Фриса) // Санкт-Петербург – Голландия: на перекрестке мнений : мат. междунар. научн. конф. СПб. : Европейский дом, 2008. С. 136.
17. Тексты «Чертежа Камчадалского Носу и морским островам», составленного И. П. Козыревским // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984. Т. 1. С. 49–50.
18. *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных // Сочинения по истории России. Избранное. М. : Наука, 1996. С. 57.
19. Инструкция М. П. Шпанберга С. Гардеболю о поисках полезных ископаемых во время плавания к берегам Японии // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984. Т. 1. С. 250.
20. Тексты «Чертежа Камчадалского Носу и морским островам», составленного И. П. Козыревским // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984. Т. 1. С. 50–51.
21. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949. С. 167.

22. Полонский А. С. Курилы. Окончание // Краеведческий бюллетень. № 4. 1994. С. 4–5.
23. Walker B. L. The conquest of Ainu lands: ecology and culture in Japanese expansion, 1590–1800. Berkeley and Los Angeles, 2001. P. 162–163.
24. Из рапорта передовщика, иркутского купца Д. Я. Шабалина в канцелярию Охотского порта о пребывании на Курильских островах и встречах с японскими купцами // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984. Т. 2. С. 164–171.
25. Walker B. L. The conquest of Ainu lands: ecology and culture in Japanese expansion, 1590–1800. Berkeley and Los Angeles, 2001. P. 165–172.
26. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815 годы. Сб. документов. М.: Наука, 1994. С. 40.
27. Зибольд Ф. Путешествие по Японии или описание японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях. СПб., 1854. Т. 2. С. 252.
28. Лим С. Ч. Экспансионизм России и Японии на Дальнем Востоке и айнское общество // Вестник Сахалинского музея. 2010. № 18. С. 189.

А. В. Калинина
ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
СПАСАТЕЛЬНОГО ДЕЛА НА ПОЛУОСТРОВЕ:
ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ПРОФСОЮЗНОЙ
КОНТРОЛЬНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

В мае 1927 г. на заседании Камчатского окружного бюро ВКП(б) ставились в один ряд проблема постановки работы по физическому воспитанию и вопрос организации краеведческих экскурсий – по терминологии того времени, «прогулки на воздухе», «экскурсии в городе» (1).

И вот, спустя четыре десятилетия, Камчатский областной совет профсоюзов (Облсовпроф) и Облисполком вплотную подходят к решению этой задачи. Основной движущей силой данной работы стал областной Совет по туризму Облсовпрофа. Важнейшие решения были приняты Президиумом Камчатского совета по туризму в мае 1966 г. (2). На заседании 13 мая 1966 г. в качестве повестки дня стоял вопрос «Об организации контрольно-спасательной службы Камчатского совета по туризму». С докладом по данному вопросу выступил М. И. Савельев [председатель маршрутно-квалификационной комиссии (МКК)]. В результате было решено «просить Облсовпроф и Облисполком рассмотреть на совместном заседании вопрос о создании контрольно-спасательной службы в Камчатской области». Одновременно предлагалась принципиальная схема организации контрольно-спасательной службы, а также её устав. Курировал данную работу оргкомитет в составе М. И. Савельева, В. И. Семёнова [член президиума Камчатского облсовета по туризму] и В. А. Шпинёва [старший инструктор Камчатского облсовета по туризму].

Принципиальная схема организации контрольно-спасательной службы (далее – КСС) Камчатки при областном совете по туризму заключалась в следующем:

1. Ставилась задача создания спасательных отрядов: зимнего и двух летних (Там же, л. 58, 67).

Зимний спасательный отряд включал в свой состав 5 человек уполномоченных от контрольных пунктов (КП) в Карагинском, Олюторском, Быстринском, Пенжинском районах.

В летние спасательные отряды (2 отряда по 5 человек) привлекались уполномоченные КП Елизовского, Усть-Камчатского, Усть-Большерецкого, Соболевского и Тигильского районов.

В Штаб Камчатской КСС должны войти: начальник (представитель облисполкома), а также два его заместителя (представитель обкома ВЛКСМ и инструктор по туризму), 8 членов штаба: представители областного общества охраны памятников, службы связи, авиации, здравоохранения, погранвойск, а также от Камчатского клуба туристов, Добровольных спортивных обществ (ДСО) «Спартак» и «Урожай» (Там же, л. 58, 67).

Со стороны административных районов контроль осуществляли уполномоченные (секретарь РК КПСС) и контрольные пункты (КП). В качестве КП могли использоваться почтовое отделение, турбаза, пограничная застава, школа, райком ВЛКСМ, сельсовет. Количество районных КП предполагалось в соответствии с числом наиболее часто посещаемых туристами населенных пунктов. Связь каждого КП осуществлялась непосредственно с уполномоченным по району, который, в свою очередь, напрямую связывался со штабом КСС.

Первый летний спасательный отряд имел следующую структуру: начальник отряда (турист